

Мила Кин

Порочный
треугольник

Мила Кин

Порочный треугольник

"Мультимедийное издательство Стрельбицкого"

Кин М.

Порочный треугольник / М. Кин — "Мультимедийное издательство Стрельбицкого",

Выйдя из убежища детских грёз и столкнувшись с жестокой реальностью, юной и не в меру наивной писательнице в первую очередь нужно совладать с собственными душевными метаниями, не дающими смело взглянуть в лицо страху и увидеть возможности своего счастливого будущего. Кто поможет ей переступить через тяжёлые ошибки прошлого, обличаемые совестью, защитить то, что дорого и выбрать верную дорогу во взрослую жизнь?

© Кин М.
© "Мультимедийное издательство
Стрельбицкого"

Содержание

1. Рождение	5
2. Знакомство	8
3. Начало пути	12
4. Живой мир	19
5. Город	21
6. Темнота	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Мила Кин

Порочный треугольник

1. Рождение

Вы помните день своего рождения? Ни третий, ни одиннадцатый, а самый первый? Как впервые открыли глаза, как сделали первый болезненный вдох? Акушера, который вас держал? Лицо своей матери в тот момент, её голос? Думаю, далеко не многие могут похвастаться таким воспоминанием.

Ева помнила. Она помнила, как свет впервые резанул глаза, как сквозь пелену пробуждения доносились чьи-то голоса, лицо врача в марлевой повязке, заплаканные глаза женщины – женщины рыдающей и улыбающейся так нежно и любяще. Первая мысль при виде её: «Мама». Она помнила, как впервые оглядела скупое убранство больничной палаты, где родилась. Родилась ли? Её тело давно появилось на свет, ему было уже почти 17 лет, а вот сознание... Этот день для сознания стал первым, до него не было ничего, совсем ничего, только крошечная темнота и странное щемящее чувство в груди – боли, предчувствия, надежды или отчаяния? Девушка не знала. Она вообще ничего не знала тогда. Не помнила кто она, где находится, и зачем. Как младенец смотрела вокруг себя непонимающими, замутненными глазами, медленно шевелила пальцами рук, ощущая их тяжесть и слыша шуршание накрахмаленной простыни, осторожно вдыхала воздух с неприятным запахом каких-то медикаментов, пыталась прислушаться к окружающему шуму: голосам людей, шипению и пищанию приборов, стоящих рядом с узкой койкой.

Пробудилась? Но перед пробуждением всегда бывает ещё что-то. Бывает прошлое, бывают сны. Нет, всё-таки родилась. Иначе это не назовёшь.

Ева помнила свою первую книгу – Энциклопедия «Всё обо всём» в картинках. Как тыкала пальцем в иллюстрацию, глазами спрашивая у матери: «Что это?» – и добрая, ласковая, но почему-то почти всегда заплаканная женщина медленно читала шрифт под картинкой, а потом добавляла ещё что-нибудь от себя. Как училась выговаривать первые слова, ей это давалось без труда, но почему-то говорить не хотелось. Просто не хотелось и всё. Изучив «первую книгу» за неделю, Ева училась читать. Чтение тоже пошло легко, полное отсутствие каких-либо знаний вакуумом втягивало в себя всю информацию извне. За год был пройден весь школьный курс чтения, письма, математики, физики, химии, биологии, иностранного языка. Всё принималось свободно и запоминалось хорошо, пока лечащий врач не велел сделать перерыв в обучении и дать мозгу заслуженный отдых. Однако вакуум продолжал тянуть, знаний всё ещё не хватало. Теория просто раскладывалась по полочкам и практически не занимала места, а пустота была огромной, давящей, невыносимой. Девушке не хватало жизненного опыта, её воспоминаний. Она не видела снов и ни о чём не мечтала. Всё что окружало Еву в её жизни – дом, отец и мать, врач, навещавший её пару раз в месяц, задний двор с высоким забором и огромным дубом прямо посреди ровного зелёного газона. Всё. Отец каждый день уходил на работу, за белую деревянную дверь в их прихожей. Но что там за дверью? Она не знала, не видела ещё ни разу. Все окна, выходившие в тот мир, были всегда закрыты плотными ставнями, остальные смотрели на задний двор. Заглянуть за дверь – табу, это запрещалось строго. Каждый раз, когда девушка спрашивала: «Что там

снаружи?», на глаза её матери наворачивались слёзы и вопрос тут же отпадал, а затем он перестал озвучиваться вовсе.

В доме Ева всегда читала, книгу за книгой, жадно поглощая уже надоевшую сухую теорию физики или иностранные словари. Поначалу она только ела, спала и читала. Когда появилась потребность в новом ощущении, она стала выходить во двор, часто так же с книгой, чтобы посидеть на корнях могучего дуба, высоко выступающих из земли. Вскоре, это стало её любимым местом во всём крохотном мире. Она, если позволяла погода, с утра до ночи сидела на этих жёстких корнях с новым томом в руках, изредка меняя позу и разминая затекшие конечности и шею. Девушке постепенно стало казаться, что здесь пустота в её сознании не так яростно терзает и давит. А потом появилось ощущение, что могучее дерево, укрывавшее частую гостью своей раскидистой зелёной кроной от редких дождей и палящего солнца – единственное существо, понимающее её в своём неподвижном безмолвии. Ведь отец и мать даже со всей своей любовью просто не могли услышать отчаянного крика души, истерзанной пустотой. А Ева не знала, как выразить это словами, а может просто боялась снова увидеть слёзы матери и потерянный, почему-то в глубине гневный, взгляд отца. Огромный дуб просто стоял, благодушно подставив свои корни под ноги девушки, и терпеливо слушал её дыхание, биение сердца, печальные вздохи, рождённые непониманием собственных чувств. Всё больше и больше чувства говорили ей: «Есть что-то ещё – что-то огромное, бесконечно манящее и сверкающее, что-то за той белой дверью». Но она отчаянно гнала подобные мысли прочь, боясь нарушить родительский запрет.

Однажды утром раздался дверной звонок, и Ева услышала из прихожей знакомый голос врача. На сердце стало, как обычно, радостно – к ней снова пришла частичка того интересного мира из-за двери. Немолодой седой доктор, как всегда поговорил с юной пациенткой и её родителями, привычно расспросил о самочувствии, порадовался успехам девушки в освоении наук. Всё стандартно, как по списку, но вот прямо у двери бодрый старичок остановился и, укорив свою забывчивость, достал из потертого кожаного портфеля книгу. Книга, как книга: не новая, с чуть надорванным корешком и слегка выцветшей от времени обложкой. Он протянул её девушке. На немой вопрос матери доктор покачал головой и добродушно произнёс: «Одной наукой сыт не будешь. Без фантазии нет человека». Ева прочла вытесненные на плотном тёмно-синем картоне буквы: «Вокруг света за 80 дней» Жюль Верн. Название ей ни о чём не говорило, равно как и имя. Но в душе что-то всколыхнулось: «Без фантазии нет человека», значит на тонких жёлтых страницах ей принесли ещё один кусочек того мира, что так манит и завораживает, так ждёт, когда же эта белая дверь распахнётся и терзающая пустота в сознании наконец сможет быть заполнена.

К следующему вечеру книга была прочитана, через четыре дня она была перечитана трижды, а через неделю – буквально выучена наизусть. Такого количества эмоций и чувств в маленьком мире девушки не вызывало ничто. Вот она – жизнь, которая так ждёт её, вот реальность. Когда в вакуум что-то помещают, оно занимает всё пространство. Там ведь просто нет ничего другого. Теория, разложенная по полочкам, отошла куда-то на второй план и всё пространство во внутренней пустоте заняла мечта – первая настоящая цель Евы – тот мир, о котором повествовала ей волшебная книга. Девушке хотелось создавать и дополнять свои грёзы, которые колыхались золотистым мягким облаком в душе, оно просило новых и новых знаний о мире, тех знаний, что не найдёшь в учебниках, тех, что родились когда-то в воображении авторов чудесных сказок. Родители осторожно пытались объяснить Еве, что всё написанное в книгах такого рода – фантастика, когда принесли, из запертого до того дня подвала, небольшую стопку книг, на корешках которых потускневшим золотом было вытеснено «Жюль Верн». Но девушка этого просто не слышала, она кивала головой, со всем соглашалась, но перед глазами её было лишь это сверкающее знаниями сокровище чьей-то мысли. Она читала и читала книги, одну за другой, просила новых и новых. Когда закончился

Жюль Верн, начался Джек Лондон. Настроение резко изменилось, во время чтения Ева чаще не улыбалась, а хмурила брови, но всё также жадно поглощала новую информацию. Золотое облачко мечты в её душе приобрело новые оттенки и продолжало расти с каждым днём. Затем был Ганс Христиан Андерсон – сердце девушки трепетно колотилось от сказочных сюжетов и абсолютно новых полётов фантазии.

После Андерсона Еве разрешили самой спуститься в подвал и выбирать, что читать. Глаза её засияли упоительным блеском, когда в тусклом свете небольшого помещения перед ней предстала вся семейная библиотека. Множество полок и множество книг, аккуратно расставленных в алфавитном порядке. Разноцветные ряды корешков плыли перед глазами девушки, она не знала куда смотреть, за что хвататься в первую очередь, как сделать выбор?

Дни полетели быстро, в нескончаемых страницах кардинально разных произведений Ева не замечала времени, её с трудом отрывали от чтения, только чтобы она не забывала, что нужно иногда питаться и отдыхать. Месяц за месяцем сны девушки становились всё ярче и прекраснее, всё больше сливались с реальностью. Мечта, живущая в душе, до того разрослась, что стала давить, распирает изнутри, рваться наружу криком радости, безудержным желанием свободы. Жизнь была ключом в книгах и в сновидениях, всё остальное казалось пустым и ненастоящим, скучным и серым. И как только начинали шелестеть страницы нового тома или закрывались тяжёлой дремой уставшие глаза, фонтан красок заливал всё вокруг и жизнь (жизнь ли это) становилась по-настоящему живой!

Конечно, это не могло длиться вечно, слишком много появлялось вопросов, слишком тесными становились стены уже ненавистного дома – мило обставленной тёплой темницы, которая отделяла Еву от настоящего живого мира. Наконец родители смирились с решением врача – девушка должна выйти в мир. Как бы ни было больно им снова её отпускать туда, как бы ни было страшно, без этого она просто не сможет жить, сойдёт с ума взаперти.

– Милая, завтра мы с отцом хотим сходить в зоопарк вместе с тобой, – голос матери звучал радостно, но почему-то иногда подрагивал, и глаза начинали предательски блестеть от наворачивающихся слёз.

Ева не верила своим ушам, ей хотелось прыгать от счастья, кричать, плакать, смеяться! Но она давно перестала выражать свои эмоции при матери, все чувства, касающиеся внешнего мира, были сокрыты из страха перед её слезами. Лишь горящие, наконец-то такие живые, глаза девушки выражали всё её бурное счастье.

– Хорошо, мама, – только и смогла с улыбкой произнести она, – я этого так ждала!

2. Знакомство

Уже была глубокая ночь, но Ева не могла уснуть. Как можно спать, когда внутри бушует такой ураган мыслей и чувств? Завтра, нет, уже сегодня она приоткроет ненавистную дверь, и яркие лучи доброго тёплого солнца того мира ворвутся в её жизнь, перечеркнут пустоту, проложат дорогу её мечте, рвущейся из груди наружу с каждым ударом сердца. Каким будет он – тот мир? Конечно волшебным! Таким, каким она его себе представляет! Добрым, огромным, светлым, насыщенным полной палитрой красок! Она не сомневалась ничуть, но сердце всё равно щемило странное предчувствие – ощущение, будто она уже была там – по ту сторону глухих стен, но никак не может этого вспомнить.

Устав непрестанно ворочаться в кровати без дела, когда внутри всё кипит, Ева встала и, накинув поверх лёгкой ночной рубашки махровый халатик, тихонько вышла в коридор. За матовым стеклом двери, ведущий во внутренний двор, колыхались чёрные тени – это старый дуб манил подругу к себе «на колени» раскидистыми ветвями. Девушка надела мягкие уличные тапочки и быстро скользнула на улицу, осторожно прикрыв за собой дверь, не щёлкая лишний раз дверной ручкой. Она подошла к знакомому, родному дереву и опустилась на жёсткие корни, опершись спиной о могучий ствол. Почему вдруг повеяло печалью, будто она пришла прощаться? Так много радости и предвкушения несла девушка, чтобы поделиться со своим молчаливым товарищем, и вдруг всё отхлынуло, оставляя лишь грусть и горький привкус расставания. Ева безмолвно смотрела в ночное небо, в своём сердце она часто разговаривала с могучим гигантом, ей даже чудилось порой, что дуб едва слышно отвечает ей, и шелест листьев есть не что иное, как его тихая спокойная речь. Но сейчас сердце молчало. Всё молчало, мир вдруг погрузился в тишину. Непробиваемую, тяжёлую, густую тишину. Что это? Такое одиночество. Гостья повернулась и прильнула щекой к грубой коре дерева, шуршание её халата на миг прорезало звенящую пустоту и тут же утихло, будто отступая в страхе перед её холодным презрительным взглядом. Что за чувство рвёт душу? Это страх? Перед чем? Возможно перед неизведанным, перед тем, что так чётко представлялось ещё минуту назад, а завтра может оказаться совсем иным. Ведь не было ни единого сомнения, что всё там за дверью именно такое, каким она видит его в своём воображении, а сейчас сомнения окружили, прокрались в душу, беспрепятственно вошли в сердце и уже грозят разбить мечту, живущую там. О, Боже, как хочется убежать! Уйти в тот мир, который она так полюбила! Который ждала, которому радовалась, на который надеялась. Сбежать прямо сейчас, сию секунду. Ева закрыла глаза и крепче прижалась щекой к стволу дерева, а оно, будто наконец услышав крик её души, вдруг едва слышно зашумело своими листьями. Лёгкий ветерок запутался в кроне и тянул то за одну, то за другую веточку, рождая нежный шелест, мягко раздвигающий тяжёлый полог тишины.

– Слышишь?.. – померещился девушке знакомый тихий голос в шорохе листьев. Она открыла глаза и посмотрела вверх, на чернеющую на фоне тёмного неба крону. – Слушай... – снова шептал он нежно. – Не бойся... – произнёс совсем тихо и смолк. Ветерок выскользнул из зелёной ловушки и помчался дальше, а старый дуб замолчал, и всё снова погрузилось в пугающую тишину.

Ева зажмурилась, пытаясь понять, что она слышала – собственные мысли? Своего друга? Или лишь игру воображения?

– Здравствуй, – низкий, чуть хриплый голос внезапно разорвал в клочья покров безмолвия и разметал его остатки. Девушка, подпрыгнув от неожиданности, хотела закричать, но испуг так сдавил горло, что вырвался лишь прерывистый выдох. Перед ней, в трёх шагах стоял мужчина. Кто он? Откуда? Как подошёл так незаметно и тихо? Чего хочет? Вихрь вопросов пронёсся в её голове в один миг, но сердце бешено колотилось, а воздуха так сильно

не хватало, что она не смогла задать ни одного, не в силах произнести и слова. Всё, на что хватало духа – держаться на обмякших ногах и с бледным как простыня лицом смотреть испуганными глазами на незнакомца.

– Не бойся, – тихо произнёс тот, и в голове девушки эхом пронёсся шелест: «Не бойся... Не бойся...». Этот голос, так похожий на шуршание листвы, он необъяснимым образом стянул тёплой рукой покров страха с сердца девушки, вдруг стало легче дышать, и по телу прошла волна новой энергии, дающей силы выпрямиться и уверенно стоять на ногах. Лишь сердце всё так же бешено колотилось в груди, отчаянно стуча о грудную клетку.

Ева молчала, часто вдыхая недостающий воздух, стараясь привести в порядок мечущиеся мысли. Пелена первого испуга постепенно сползла с потускневшего сознания, и в проясняющейся голове возник первый упорядоченный вопрос: «Кто он?». Взгляд девушки автоматически заскользил по лицу незнакомца – мягкие черты, чуть бледная кожа, тонкие губы с лёгкой улыбкой, тёмные глаза, пристально смотрящие на неё. Глубокие, сверкающие глаза. Она задержала свой взгляд на них на долю секунды, но, неизвестно откуда возникшее любопытство, вынудило двинуться дальше. Длинные волосы, собранные в низкий хвост, в лунном свете казались серебристо-серыми, широкие плечи под мешковатой тёмно-серой курткой, одна рука спрятана в кармане бесформенных штанов, другая сжимает что-то в широком кулаке. Вся поза незнакомца, такая непринуждённая и немного ленивая, не веяла ни опасностью, ни дружелюбием – лишь каменным спокойствием.

Прошла всего секунда, пока Ева окидывала мужчину любопытным взглядом, а ей показалось, что она стоит и смотрит на него вот так уже целый час. От этого вдруг стало страшно неловко, захотелось хоть что-то сказать, чтобы оправдать свой, как ей казалось тогда, не в меру свободный и даже наглый взгляд. Но незнакомец опередил её мысли:

– Здравствуй, – снова произнёс он так же тихо и спокойно. И его голос показался таким бархатным и спасительным после недавней мёртвой тишины, что девушка без сомнений окончательно рассталась с первым ощущением испуга, а сердце стало быстро возвращаться к привычному ритму.

– Здравствуй... те, – неловко замаявшись, ответила она.

Вдруг в воздухе снова повисло безмолвие. Уже не такое тяжёлое, скорее нетерпеливое, подгоняющее, жаждущее новых звуков – любопытное безмолвие. Оно почти явно звенело в ушах, требуя продолжать что-то говорить, но что?

– Кто вы? – наконец задала вопрос девушка. Собственный голос показался ей каким-то сдавленным и от этого немного смешным.

– Ева, я хочу, чтобы ты пошла со мной, – невозмутимо, игнорируя вопрос, произнёс мужчина. От этого спокойствия сама фраза не вызвала шока или страха, лишь всколыхнула новую волну интереса.

– Куда? – спросила она чуть смелее, уже забыв о теме личности незнакомца и даже не задумавшись, откуда он знает её имя.

– В твой мир, – уголки губ мужчины слегка приподнялись в едва заметном намёке на улыбку, но слова звучали по-прежнему равнодушно.

«За белым кроликом» – мелькнула в голове девушки строка из недавно прочитанной книги.

– Какой мир? – вкрадчиво спросила она, окончательно осмелев.

– За белую дверь, – серьёзно ответил ночной гость, в голосе его, кажется, прозвучала нотка нетерпения.

«Зачем мне идти за белым кроликом, если уже через несколько часов я выйду туда со своими родителями?» – подумала Ева.

– Утром там будет совсем другой мир, – незнакомец будто прочел её мысли.

В голове снова пронеслась сотня вопросов и подозрений, но любопытство накрыло все эти мысли необоримой волной и расплескалось жгучим нетерпением и жаждой открытий. Зачем ждать утра, когда вот он – шанс увидеть всё прямо сейчас?

Она прочла много книг. Среди них была поэзия и проза, сказки, фэнтези, романы, былины – книги классиков, не содержащие ни капли дешёвой пошлости. Не было ужасов, современной научной фантастики и бульварных романов. Возможно поэтому образ злодея сформировался в ещё, по сути, детском сознании, как-то уж очень чётко и предсказуемо. То обязательно должен был быть какой-то монстр громадных размеров, покрытый грязной шерстью или противными бородавками. На крайний случай – человек с испепеляюще-злым взглядом и угловатыми чертами лица. В понимании Евы, зло должно было быть узнаваемым везде и всегда, чем-то чёрным, противным, шипящим, пугающим, наглым, одним словом – злым. А мужчина, стоявший перед ней сейчас, не очень подходил под подобное описание – приятный голос, спокойная поза, глубокие... невыразимо глубокие глаза. Нет, такие глаза не могут принадлежать разбойнику или обманщику.

Вот так легко, как несознательный ребенок, девушка сделала выбор в пользу «конфетки» из рук незнакомца.

– А мы вернёмся к утру? – глупый вопрос, чтобы развеять последние сомнения. – Не хочу, чтобы родители волновались.

– Конечно, – мужчина снова едва заметно улыбнулся и в этой улыбке не было ничего зловещего, простая такая, честная, хоть и совсем крошечная улыбка, – ты сможешь вернуться, когда пожелаешь.

Ева неуверенно сделала шаг вперед – к незнакомцу, на секунду замерла, всё ещё колеблясь, но он медленным, размеренным движением вынул руку из кармана и, с тем же спокойным лицом, жестом пригласил её идти к дому.

– Ты ведь не собираешься идти в халате? – спросил он, поворачиваясь к девушке спиной и снова убирая руку в карман.

Лицо Евы тут же покрыл густой румянец, она и забыла, что стоит перед неожиданным гостем в ночной рубашке и халате, с растрёпанными неубранными волосами. Она смело двинулась к дому, лишь на долю секунду замедлив шаг, проходя мимо ночного гостя и окидывая его неподвижный силуэт краешком глаза. Сзади послышались неспешные шаги, скрипнула половица у порога, тихо стукнули о пол снятые тапочки, босые ноги на цыпочках проскользнули в комнату. Спиной Ева ощущала, что незнакомец шёл сзади, в тех же трёх шагах, не приближаясь и не отставая. Затем, уже в доме, он свернул к входной двери и остановился в молчаливом ожидании. Девушка, не оборачиваясь, закрыла дверь своей комнаты и кинулась к шкафу. Голову закружила стая шальных мыслей: «А что если это сон? Она сейчас снова выглянет за дверь и там не будет никого, только краешек белой двери будет, как обычно, виднеться из-за угла в коридоре». Она быстро натянула любимые свободные бриджи, стянутые резинками чуть ниже колена, и белую трикотажную майку, накинула на плечи лёгкую бежевую толстовку, обула новые замшевые кроссовки, расчесала волосы и собрала их на скорую руку в высокий хвост. Погасив ночник, Ева застыла перед закрытой дверью своей комнаты, на секунду стало не по себе. Никакого страха перед незнакомцем не было, она боялась, выглянув в коридор, увидеть лишь темноту и маячащую в ней белую полосу входной двери, и больше ничего, никого. Она тихонько приотворила дверь и открыла зажмуренные в ожидании глаза. Темнота и белая полоска. Девушка сделала шаг – белая полоса стала шире, и на её фоне обрисовался силуэт мужского плеча в мешковатой куртке. Она облегченно выдохнула, всё ещё немного не веря своим глазам.

«Ты готова?» – прозвучал мужской голос в мыслях Евы. Наверное, это она сама спросила себя голосом незнакомца, чтобы развеять сомнения. «Да!» – был дан самой себе ответ, и ноги двинулись вперед, шаг за шагом, всё ближе к заветной мечте. Фигура мужчины шелох-

нулась в темноте, и девушка вздрогнула, до него оставалось три шага, он здесь, это точно он. Его рука чёрной тенью легла на дверную ручку, и раздался тихий щелчок замка. Дверь приоткрылась, из тонкой щёлки, пронзая темноту сотней ярких игл, в дом ворвались тёплые жёлтые лучи солнца. Озарили всё вокруг, ослепили, окутали манящей нежностью и тут же пропали, всё снова погрузилось в ночную темноту, проницаемую, прозрачную, но всё же, густую и от того неприятную.

– До рассвета три часа, – прошелестел тихий голос из сумрака, окончательно рассеивая иллюзию и вновь угадывая мысли.

Дверь медленно открылась, серый силуэт незнакомца выскользнул на порог и осветился лунным сиянием, сверкнули спокойной глубиной его тёмные глаза, и Ева решительно сделала шаг вперёд.

3. Начало пути

Они шли по дороге, не торопясь, но и не замедляя шаг ни на минуту. Сколько они идут? Час или два? По началу, Ева лишь смотрела по сторонам, стараясь идти с той же размеренной скоростью, что и её ночной гость. Они шли по серому асфальту, вдоль белых линий дорожной разметки, с двух сторон тянулись аккуратные тротуарчики с редкими деревьями, окруженными невысокими железными решетками, за тротуарами шли заборы. Высокие и низкие, деревянные и каменные, тёмные и светлые. А из-за заборов виднелись дома, все тоже разные, интересные и не очень, но все привлекали взгляд – все были чем-то новым для Евы. Так прошло какое-то время. Новая информация компенсировала общее молчание и даже странную мёртвую тишину улицы. Нигде не было движения, не слышалось ни звука – всё стояло, подобно хорошо нарисованной декорации в лунном свете. Затем городской пейзаж как-то плавно перешёл в лесистую местность, серая дорога всё тянулась ровной полосой, но не было тротуарчиков и заборов, только нависающие над дорожным полотном чёрно-зелёные кроны, и так же ни звука, ни движения. Лес начал редеть и плавно перешёл в ровную степь. Девушка ни разу не обернулась, смотрела только вперёд и по сторонам, изредка украдкой поглядывая на своего молчаливого спутника. Степь тянулась от горизонта до горизонта и быстро наскучила взгляду, хоть поначалу и рождала волну мыслей о величине мира, которые, впрочем, беглянка оставляла при себе. Желания начинать разговор не было, молчание спутника было каким-то решительно обособляющим, не дающим даже малейшего повода для диалога. Но, когда созерцание бесконечной степи и неба окончательно надоело, Ева решила постучать в глухую стену мужского невнимания.

Она, было, открыла рот и набрала воздуха, чтобы задать вопрос, но уже знакомый мягкий хрипловатый голос произнёс:

– Идти осталось немного.

Девушка вздрогнула от того, как неожиданно разорвалась завеса тишины и как резко снова опустилась. «Он что действительно видит мои мысли?!» – возмущенно подумала она: «Он всё время шёл на несколько шагов впереди, ни разу не обернулся, не сбавил шаг, даже немного не повернул ко мне лица. Нет, он точно читает их!»

– Когда начнёт светать, будем на месте, – снова проронил мужчина.

«А может и не читает», – улыбнулась про себя Ева.

– Как? К рассвету? А когда же мы вернёмся? – вдруг поняла она.

– Ты вернёшься, когда захочешь, я говорил.

– Это значит, что мне уже сейчас нужно повернуть назад? – ехидно спросила девушка, а в душе стало обидно от такой догадки. Что за обман? Где обещанный мир? Какая-то серость.

– Нет, пока мы идём, время не имеет значения, – спокойно произнёс мужчина непонятную фразу, и между путниками снова воцарилось безмолвие.

Настроение стремительно падало, весь азарт куда-то улетучился, вновь всколыхнулась волна сомнений, зарождалось желание развернуться и пойти домой, где через несколько часов девушку ждал выход в настоящий мир. А то, что вокруг – разве это мир? Это в точности как картинки в её книгах – чёткие, красивые, но не живые, недвижимые. Ева опустила глаза на серый асфальт дороги, он ровной пеленой проплывал под ногами, напоминая ту бесцветную пустоту в сознании, что совсем недавно мучила её, требуя новых знаний и ощущений. «В конце концов, в этом тоже есть что-то новое», – утешила себя беглянка, подняла глаза и, опешив, остановилась – над горизонтом показалась первая розоватая дымка рассвета, а всего в трёх шагах впереди серый асфальт вдруг заканчивался – дорога просто обрывалась, терялась в изумрудно-зелёном ковре невысокой густой травы. Взгляд недоуменно застыл на этой зелёно-серой границе. Её спутник тоже остановился и повернулся боком к девушке,

одна его нога в массивном тёмно-коричневом ботинке всё ещё стояла на асфальте, а другая уже примяла свежую мягкую траву по ту сторону черты.

– Не останавливайся надолго, – недовольно, но всё также спокойно сказал он и уже повернулся вновь спиной, чтобы продолжить путь. Ева подняла глаза и снова замерла – перед ней из ниоткуда вырос лес: стена вековых деревьев вздымала раскидистые кроны к небу, по которому медленно плыли... Да, плыли облака. Картинка ожила. Розоватые, пушистые барашки неторопливо скользили по тёмной синеве неба там над лесом, а над головой была пустота – чёрный ночной небосвод с неподвижной луной и редкими холодными звёздами. Девушка не стала больше медлить и без лишних раздумий зашагала к тому миру, что звал её своей едва заметной, но всё же настоящей жизнью. Шаг, второй, третий... ноги на долю секунды замедлились и тут же решительно ступили на мягкий зелёный ковёр. В этот миг в лицо пахнул утренней прохладой свежий ветерок, и до слуха донеслись звуки леса. Ева перешагнула черту и снова остановилась, глядя восторженным взглядом на зачарованный лес – он казался таким фантастически реальным, всё в нём было живым, каждая травинка, каждый листочек, каждая пылинка. Ветер лёгкими пальцами касался ветвей деревьев, и они, как струны множества диковинных инструментов, отвечали ему шелестом листьев на все голоса. Зелёный покров травы шевелили мягкие волны, взлетали в воздух, подымаемые ветром, и тут же снова падали в траву лепестки, сорванные где-то на далёких полянах с неизвестных цветов и занесенные сюда игривыми воздушными потоками. Дышать стало так легко и приятно, а в душе поднималась настоящая буря – смесь счастья, удивления и вдохновения. Не в силах больше оставаться на месте, Ева сорвалась и побежала вперёд к чарующему лесу, над которым уже засияли первые солнечные лучи. Она пролетела мимо своего спутника с полными слёз радости глазами, забыв сейчас о его существовании, о существовании всего, что было за спиной.

Лёгкий ветерок, от пробежавшей мимо девушки, пахнул приятным теплом и её неуловимым тонким ароматом. Он слегка колыхнул серые волосы незнакомца, и тот на секунду остановился, вдохнув осторожно давно знакомый, но от этого не менее сладкий запах. Мужчина прикрыл глаза от наслаждения, но тут же вновь принял равнодушный вид и размеренно двинулся дальше.

Когда первая волна новизны отхлынула, и сердце стало биться чуть спокойнее, девушка наконец прекратила кружить среди деревьев, слегка касаясь их твёрдой прохладной коры и каждым шагом вздымая в воздух сотни маленьких капелек росы, которые, разлетаясь лёгкими облачками, поблескивали радужными бликами в лучах восходящего солнца. Она остановилась и обернулась, с веселой улыбкой взглянув на спутника полными счастья глазами. Сейчас, в рассветной дымке под пеленой блаженной свободы он показался ей рыцарем. Тем самым «прекрасным принцем», который спасает принцессу из заточения в высокой башне, тем героем, которого никогда не описывают в сказках, давая волю фантазии читателей. Он всегда верх совершенства, всегда идеал, рисуемый воображением. В мечтах Евы не было такого идеала, она не знала, каким он должен быть, на кого может быть похож. Кого она видела в своей жизни? Отца, мать и своего лечащего врача. Доктор был слишком стар, а папа... Папа разве мужчина? Наверное, только для мамы. В книгах она не встречала ни одного лица, которое запало бы в душу. Черты были либо едва прорисованы, либо совсем нереальны – недвижимые, не имеющие ни капли жизни. Глаза – набор тонких линий и красок. А сейчас перед ней, в трёх шагах были настоящие, живые, глубокие глаза, которые смотрели на спутницу спокойно, но уже не равнодушно – с участием, будто появился в них едва заметный огонёк интереса. Да, пожалуй, её идеал может быть именно таким. Что бывает в сказках потом? Когда встречаются взгляды принцессы и принца? «Они жили в любви долго

и счастливо». Так что за странное, новое, жгучее чувство вдруг заполнило всю грудь мечтательной девушки? Может это и есть та самая любовь? И теперь они должны пожениться и жить долго и счастливо? Ведь он – долгожданный спаситель, подарившей ей мир после долгого заточения в реальности пустых, как казалось сейчас, книг. Эйфорические, романтические и попросту детские мысли закружили голову беглянки, завертелись невесомым хороводом в душе, за спиной будто раскрывались крылья. Она одним лёгким прыжком преодолела те три шага, что отделяли от молчаливого ночного гостя, и с сияющей улыбкой повисла на его шее. Время остановилось, всё вокруг вспыхнуло яркой радугой, неясное благоговение захлестнуло душу. Сколько стоит она вот так, обвив его руками, прижавшись всем телом, замурив глаза от нахлынувших чувств? Минуту, час или весь день? Время растянулось, изогнулось и замкнулось в бесконечную петлю, где миг превратился в вечность. Вечность, наполненную невинным, чистым счастьем.

Мужчина стоял как вкопанный не в силах пошевелиться, широко раскрыв удивлённые, уже не безучастные и совсем не холодные глаза. Внутри что-то ёкнуло и перевернулось, сердце сжалось и замерло, будто боясь нарушить хрупкий восторг момента. Он снова вдохнул аромат золотистых волос, коснувшихся щеки, чуть опустил веки, погружаясь в надвигающийся вихрь тепла, какая-то неведомая сила потянула руки к взаимным объятьям, но в ту же секунду всё прекратилось, глухая стена рассудительного самообладания встала перед волной чувств, сносящей всё на своём пути. Волна разогналась, накатила, ударилась о внезапно возникшее препятствие и разбилась. Разлетелась мириадами брызг, тот час же потерявших цвет. Эмоции покорно отхлынули от непреодолимой преграды, утекли обратно, куда-то вглубь окаменевшего сердца, унося с собой весь восторг, затягиваясь коркой тёмного льда. Глаза приняли всё то же непроницаемо бесстрастное выражение и мужчина слегка кашлянул, недвусмысленно намекая на излишне раскованное поведение спутницы.

Бесконечная петля времени вдруг неуклюже сжалась, треснула и рассыпалась сотнями осколков. Минута, час, день? Нет, лишь пара секунд прошла с момента, когда она нырнула в водоворот неожиданных, головокружительных чувств. Руки вдруг ослабли, и девушка, быстро сделав шаг назад, застыла, опустив голову и потупив взгляд, не зная, куда деться от смущения, пламенем стыдливого румянца пылающего на щеках.

«Какая любовь? Какой принц? Я ведь совсем не знаю, кто он, откуда, зачем пришёл за мной? Даже имени его не знаю. Имя?»

– Как вас зовут? – губы сами произнесли слова, и краска тут же с новой силой залила всё лицо, загорелись даже уши. «Какая глупость! Зачем я это спросила сейчас?! Боже, как я хочу провалиться сквозь землю, чтобы только не чувствовать на себе этого равнодушного взгляда!»

– Тимор, – послышался короткий ответ. Девушка приподняла удивлённые глаза, невозмутимость его голоса заставила волну стыда немного схлынуть, а на её месте вдруг заблестели свежие искры любопытства.

– Я... прошу прощения, – с трудом выдавила из себя Ева и, чуть поколебавшись, взглянула в глаза мужчины. Он смотрел на неё без выражения каких-либо эмоций, ровно, спокойно. Убийственно спокойно. Она хотела было отвернуться, но взгляд будто зацепился и никак не мог сдвинуться с этих бесчувственно-глубоких глаз. В воздухе на миг повисла тишина и начала уже противно давить на барабанные перепонки, но вдруг невесомо рассеялась – лес вокруг снова ожил (где же был он секунду назад?) и наполнил мир радостным шумом просыпающейся листвы, окинутый розовыми лучами восходящего солнца.

– Нам нужно идти дальше, – мужчина перевел взгляд и уставился куда-то вдаль, затем неспешно двинулся вперёд, лишь слегка повернув плечо, чтобы не задеть девушку, проходя мимо.

– Куда? – только и смогла спросить она, растерянно глядя ему в след.

– Если хочешь, ты можешь остаться в лесу, – последовал холодный ответ. И Ева, на миг замешкавшись, молча зашагала за спутником.

«Что происходит? Куда я иду? Почему так стыдно снова задавать вопросы?» – думала она, водя задумчивым взглядом по мелькающей под ногами траве: «Как могло мне так затуманить разум? Кто он вообще такой? Имя... Забыла имя! Как же он сказал? Что-то на «с», или нет – на «т», точно на «т». Странное какое-то имя. Как я могла забыть? Мне ни за что не хватит смелости спросить ещё раз!»

Розово-золотой диск солнца уже поднялся из-за крон деревьев и озарил радостными лучами чуть сонный мир, когда размышления девушки прервал тихий перезвон далёких голосов, доносившихся откуда-то спереди. Ева подняла глаза и снова замерла в изумлении, лес вокруг неё плавно превращался в городок, зелёные холмы застывшими волнами перетекали в небольшие округлые домики, стволы деревьев обрастали тонкими круговыми лесенками, в кронах протянулись узкие веревочные мостики. Пейзаж был до смешного знаком девушке, вот совсем недавно, кажется, она видела такую же цветную картинку в одной из книг, которую читала. А о чём была книга?.. Да и была ли вообще книга? Вдруг появилось сомнительное ощущение, что не было ни книги, ни картинки – совсем недавно она видела этот лесной городок своими глазами, быть может, жила в нём, а потом куда-то ненадолго уходила. А сейчас вновь возвращалась к знакомым местам. Не было серой дороги, не было уютной тюрьмы, не было дуба на заднем дворе.

– Не останавливайся надолго, – отвлек от созерцания пейзажа холодный голос спутника, девушка перевела глаза, начавшие было снова наполняться восторгом, на спину уходящего мужчины, и зарождающаяся улыбка сама по себе сползла с лица.

– Но почему? – обиженно протянула она, пойдя на поводу у первых эмоций.

Мужчина остановился, встал вполоборота, одна его рука всё так же лениво покоилась в кармане, в кулаке другой он всё ещё держал что-то, похожее на свёрнутую полоску бумаги, накрученную на круглую деревянную палочку. Ева вновь смогла окинуть его быстрым взглядом, после долгого лицезрения травы под ногами.

– Если слишком задержишься, придётся возвращаться домой, – спокойно и от этого ещё более загадочно ответил он, и тем же шагом двинулся дальше.

Девушка недовольно вздохнула и пошла за ним, попутно разглядывая окружающие виды. Лесной городок был живым, не таким как на картинке в книге – листва здесь так же шуршала в высоких сводах над головой, ветерок приятно обдувал лицо, но нигде не было видно жителей. Ставни закругленных окошек бежево-коричневых домиков с зелёными и бордовыми крышами плотно прилегали друг к другу, не давая свету попадать внутрь, и вокруг не встречалось движения, кроме скольжения солнечных зайчиков, пробивавшихся сквозь густые кроны, по мягкой изумрудной траве. «Почему я иду за ним?.. Куда он ведёт?..» – задумалась Ева: «И почему меня это почти не волнует?»

В душе, под бушующим морем эмоций, лежал неподвижный пласт твёрдого спокойствия и доверия. «Он привёл меня в живой мир, и этот мир, каким бы ни был он странным, всё равно прекрасен», – думала девушка, и ей казалось, что незнакомец – лучший, кого она могла встретить в своей жизни. Был бы он хоть чуточку менее холодным. Она, потеряв на время интерес к окружающему пейзажу, молча шла вперёд, разглядывая со спины своего попутчика. Широкие плечи под серой курткой, серые брюки, коричнево-серые ботинки, несколько прядей серебристо-серых волос, выбившихся из густого хвоста, мерно покачива-

ются у его лица в такт уверенной неспешной походке... Пожалуй, без глубоких живых глаз он был как одно большое серое пятно на фоне яркого мира. Но эти глаза...

– Кто здесь живёт? – набравшись смелости, начала разговор Ева.

– Никого, – отрезал равнодушный, но такой приятный голос.

– Как никого? – она задумчиво огляделась. – Совсем?

– Совсем.

– Странно, – только и нашла, что ответить девушка: «А как же голоса, которые я слышала?» – и она уже открыла рот, чтобы спросить ещё что-то, но не успела.

– В своё время ты всё поймёшь, – опередил её мужчина.

В сердце вдруг закипели обида и гнев:

– Какое ещё своё время?! – вспыхнула она. – Почему нельзя просто сказать?! – в порыве смелости она обежала спутника и встала перед ним, сложив руки на груди, преграждая дорогу.

– Это займёт слишком много времени, – спокойно ответил мужчина, даже не взглянув на неё, и, слегка задев плечом, продолжил путь.

– Но мы же всё равно молча идём, идём, идём, – непонимающе развела руками девушка, послушно следуя за ним, – почему нельзя поговорить хоть немножко по дороге?

– Я не люблю много говорить, – заключил он, и диалог невольно зашёл в тупик.

Ева насупилась, её переполняло чувство обиды – детской обиды от того, что нельзя получить что-то, что всё равно будет твоим, но чуть раньше положенного срока. Так, нахмурившись и сжав от огорчения кулаки, она шла дальше, глядя по сторонам отстранённым взглядом. Сейчас городок казался ей совсем пустым и мёртвым, даже солнечные зайчики куда-то пропали, остался только шелест листьев, шорох травы и лёгкий ветерок, напоминавший, что всё вокруг не просто картинка из книжки.

Пейзаж постепенно менялся: домики остались позади, над головой проплыл последний воздушный мостик в ветвях, деревья становились ниже и реже, их кроны отступали, обнажая взору голубое, чуть подёрнутое тонким облачным полотном, небо, солнце поднималось выше, и мягкие лучи постепенно начинали припекать. Как давно путники вышли из спящего дома? Казалось, что время ползёт медленно, неторопливо, растягивается и удлиняется. В животе что-то противно зашевелилось и заурчало.

– Я есть хочу, – тихо произнесла девушка, – и пить.

– Скоро будет ручей, можно будет попить, – откликнулся спутник.

– Сколько мы уже идём? – она снова попыталась начать разговор.

– Около пяти часов.

– Как пять часов? Я же... Я же должна вернуться домой! – нахлынувшие переживания заставили мгновенно забыть о новом мире. «Мама, папа! Как они будут волноваться обо мне! Мама опять будет плакать! Что же я делаю?!» – в тревожном порыве Ева кинулась обратно: «Бегом, через лес, к дороге, а там всё время прямо!» – пронеслось у неё в голове и тут же оборвалось собственным испуганным вскриком. Пробежав всего несколько шагов, она остановилась на самом краю обрыва. Перед ней зияла пропасть, дно которой терялось в туманной темноте. Серые скалистые стены маячили где-то далеко впереди, и мрачная дымка заволакивала уже последний видимый островок зачарованного леса. Силы вдруг покинули тело, голова закружилась, и одна нога девушки, предательски дрогнув, соскользнула в бездну. Ещё один короткий крик, мгновение, она не успела понять, как оказалась снова на твёрдой почве. Перед глазами только мелькнула её толстовка, соскользнувшая с плеч и белой чайкой полетевшая в темноту ущелья. Страх, пронизавший тело, заставил ноги подкоситься, и Ева бесильно села на землю, успев лишь опереться на руку, чтобы не растянуться во весь рост. В мышцах предплечья разливалась боль и на коже начали проступать иссиня-красные следы мужских пальцев. Ева подняла затуманенный взгляд на своего спасителя, стоявшего теперь

перед ней, его глаза смотрели так же невозмутимо, лицо было равнодушным и холодным, только руку достал из кармана и стоял теперь ровно, слегка напряженно. Но через несколько секунд тяжелого молчания и игры в переглядки его поза снова приобрела ленивый оттенок: спина расслабилась, ноги чуть согнулись, свободная рука уползла обратно в карман.

Мысли беспорядочно метались в голове девушки невнятными отрывками, хотелось что-то сказать, что-то спросить, что-то сделать. Хотя что-нибудь. Но всё тело сковало ледяное оцепенение, не было сил вздохнуть, даже моргнуть. Глаза начинало жечь и щипать, к горлу подступил колючий, неповоротливый ком, окончательно перекрывший дыхание, по щекам ручьём потекли слёзы – слёзы страха, обиды, боли и непонимания. Лишь когда спутник отвёл бесстрастный взгляд и отвернулся, Еве хватило сил проглотить противный болезненный комок и с шумом прерывисто вздохнуть. Оцепенение отступило, она опустила голову, закрывая лицо ладонями, и заревела навзрыд. Минут пять слёзы лились потоком, щёки пылали, а сердце противно щемило. Но постепенно буря чувств начала утихать, мысли медленно успокаивались и приводились в порядок, пока, наконец, эмоции не иссякли, и понемногу вернулось умение нормально дышать.

Когда на глаза девушки – широко открытые, по-детски напуганные, навернулись слёзы, в сердце что-то едва заметно шевельнулось. Взгляд уцепился за блестящую капельку, скользящую по её щеке, и мужчина не мог понять, что чувствует от этого. Радость? Грусть? Жалость? Что за странное ощущение? Даже не ощущение – желание. Желание просто протянуть ей руку и обнять. Что за вздор? Сердце моментально покрылось ледяной коркой бесчувствия. Он отвернулся и, услышав жалостный всхлип, а затем неумные рыдания, равнодушно отошёл на своё привычное расстояние в три шага, остановился и стал молча ждать, пока пройдёт этот приступ детской сентиментальности.

Слёзы высохли, дыхание восстановилось, мысли почти пришли в порядок, остался лишь неприятный осадок тяжелой печали и вопрос: «Почему?».

– Как я смогу вернуться домой? – тихо спросила Ева.

– Я расскажу тебе позже, – голос мужчины не нёс в себе никаких эмоций, но от самих слов веяло ощущением, что он сам считает себя виноватым. Эта маленькая сомнительная перемена дала девушке неожиданных сил для разговора на равных, слепое благоговение перед незнакомцем отступило на второй план.

– Когда? – с некоторой обреченностью, но всё же твёрдо спросила она, и, не дожидаясь ответа, продолжила. – Уже день! Что сейчас происходит у меня дома? Мои родители не находят себе места! А меня от них отделяет это! – девушка раздраженно махнула рукой в сторону пропасти. Эмоции быстро брали верх, и слова всё меньше подвергались осмыслению. – Откуда вообще ЭТО взялось?! Что это за место? Почему нет ни одной живой души?! Ты сказал, что я смогу вернуться тогда, когда захочу! Я хочу сейчас! Верни меня домой! – она почти сорвалась на крик, в голосе отчётливо звенел гнев, а лицо покраснело от накалившего негодования. Но всё же, глаза на удивление сохраняли всё то же по-детски обиженное выражение, вот-вот готовые снова погрузиться в слёзы.

– Сейчас слишком рано, – холодно возразил мужчина, и на этот раз его интонация была непоколебимо правой. Ева осеклась, не успев продолжить осыпать своего спутника эмоциональными речами. Вина? Какую ещё вину она услышала в его голосе ещё минуту назад? Он всё такой же равнодушный и безучастный. В голове мелькнула неожиданная безнадёжная мысль: «Он всё равно сильнее». Волна эмоций быстро отхлынула, уступая место ощущению обреченности и растерянности:

– Объясни мне хоть что-нибудь, – протянула она жалостно, – пожалуйста.

Сероволосый нехотя перевёл взгляд на неё, затем снова уставился в пустоту перед собой.

– Когда захочешь, ты сможешь вернуться к тому месту, где мы начали разговор, почти в то же время.

Ответ был понятен, но казался абсурдным, девушка вскинула бровь, собираясь бросить что-то скептическое, но тут же нахмурилась, опустив глаза:

– Это значит, что я сейчас просто сплю? – спросила она неуверенно.

– Ты можешь называть это как хочешь.

– А как ещё это можно назвать? – проронила она задумчиво, и лицо её приняло озадаченный вид.

– Нам нужно идти дальше, – мужчина посмотрел прямо в глаза Евы. – Ты всё ещё хочешь посмотреть на свой мир?

Поймав на себе его бесстрастный взгляд, девушка на секунду засомневалась, но эти слова помогли снова всколыхнуться её неуёмное любопытство.

– Хочу, – неуверенно произнесла она и, помедлив ещё секунду, наконец поднялась на ноги.

«И почему я так доверяю ему?» – вдруг возник мысленный вопрос: «Но ведь если бы он желал мне зла, что стоило ему заставить меня идти? Нет, он решительно не похож... он не злой. Просто... холодный. А может он только притворяется холодным? Ведь в книгах часто плохое притворяется хорошим, так почему не может хорошее притвориться плохим? А зачем? Не понимаю», – задумавшись, девушка так и стояла, неприлично смело глядя на мужчину: «Не понимаю. Может он просто проводник? И ему всё равно? Но мне так не кажется. Он ведёт меня к миру, и я хочу дойти. Да. Не хочу колебаться, надо решиться», – лицо её действительно стало решительным, но тут же, опомнившись и поймав собственный нескромный взгляд на незнакомце, девушка смущённо опустила глаза, стало так стыдно, что все размышления мигом улетучились, унося с собой остатки сомнений.

– Я вижу, ты готова идти, – хриловатый голос бесцеремонно поторопил убегающие опасения.

– Да, – не поднимая глаз, ответила она, но в сердце почувствовала небывалую уверенность в собственном ответе. И они снова пошли вперёд, будто и не было странного инцидента с обрывом.

4. Живой мир

Солнце поднималось всё выше, настроение постепенно карабкалось за ним, несмотря на продолжившееся молчание. Ева погрузилась в свои мысли и старалась радоваться каждому моменту, она решила, что должна впитать всё хорошее, что даёт ей этот мир сейчас: красоту пейзажей, свежесть ветра, тепло солнечных лучей – всё это она видела впервые в столь невообразимых масштабах. Ведь любые картинки в её книгах и уютный задний двор родного дома – лишь ничтожная часть света, малая капля старательно изученных крупин окружающего мира. Здесь же, вокруг разлился безбрежный океан прекрасной новизны, она застилала глаза своей пестротой, она манила, она пугала и дарила столько неведомых доселе чувств, что сердце то замирало в ожидании чуда, то начинало бешено стучать, от нахлынувших эмоций. Спутник девушки – единственное серое пятно в этом завораживающем вихре свежих ощущений, постепенно он слился с пейзажем, маяча широкой спиной где-то на краю взгляда в трёх шагах впереди. Вокруг сменялась картина за картиной – то вздымались невысокие пологие холмы, поросшие изумрудной травой, то раскидывались плоские равнины, усыпанные пёстрыми цветами, то снова вырастали стеной густые, но удивительно светлые леса, залитые солнцем. Всё менялось так быстро, как страницы в увлекательной книге, которую читаешь взахлёб, на одном дыхании, не замечая ничего вокруг и не чувствуя течения времени. В окружении таких прекрасных чувств и эмоций и здесь время текло не ощутимо, пока наконец голос сердца не стал заглушаться голосом желудка. С утра у Евы во рту не было и маковой росинки, она надолго перестала чувствовать жажду и голод, увлекшись созерцанием и осязанием нового мира, но это не могло длиться вечно. Довольно быстро по телу стала разливаться усталость. Всё сложнее было сохранять постоянный темп ходьбы, во рту пересохло, а живот скрутило противной болью. Девушка замедлила шаг.

– Я хочу есть и пить, – со вздохом сказала она, нехотя переводя взгляд с цветочной поляны под ногами на серую спину попутчика, – ты говорил, что должен быть ручей.

– Впереди, шагах в двадцати, – сухо ответил мужчина.

Ева недоуменно начала искать глазами воду. Секунду назад на много метров впереди был только луг и невысокая стена деревьев вдалеке. Но тут до её слуха донеслось журчание ручья, такое неожиданное и поразительно приятное во время жажды. Она ускорила шаг и, как только среди цветов невдалеке что-то блеснуло, бросилась туда невесомым, но всё же, торопливым бегом. Тонкий ручеек быстро нёс свои кристально чистые воды по узкому каменистому руслу, весело журчал и, натыкаясь на редкие препятствия в виде крупных камней, одаривал склонившиеся над ним цветы вспышками мерцающих брызг. Девушка зачерпнула ледяной воды в ладони и припала к ней губами, наслаждаясь прохладой живительной влаги. По телу разливалась приятная свежесть, и под её натиском быстро сдавалась, так внезапно навалившаяся, усталость.

Сероволосый стоял в стороне, глядя куда-то вдаль, и терпеливо ждал, пока спутница утолит жажду. Напившись, Ева зачерпнула ещё пригоршню воды, просто чтобы посмотреть, как солнечные лучи играют весёлыми бликами на её поверхности, это зрелище удивительно радовало глаз. В водном зеркале мелькнуло далёкое отражение молчаливого спутника. Ева обернулась и посмотрела на него, лукаво прищурив один глаз:

– А ты не хочешь пить? Ведь мы так долго шли, да ещё и под открытым солнцем.

– Нет, – отрезал он, не взглянув на девушку.

– Как хочешь, – она с улыбкой пожала плечами, окатила своё лицо едва согретшейся водой из ладоней, поднялась и легко зашагала дальше по цветочному ковру. Мужчина пошёл следом, сохраняя привычную дистанцию, не пытаясь снова вырваться вперёд.

– А поесть где-нибудь можно будет? – окидывая весёлым взглядом окружающий пейзаж, спросила Ева чуть позже, когда обсохла ручьевая вода на лице и шее, но ощущение свежести всё ещё дарила чуть влажная майка.

– Мы почти пришли, на месте можно будет поесть.

– Пришли? – она на ходу обернулась и кинула на спутника быстрый подозрительный взгляд. – Так куда мы почти пришли?

– Скоро увидишь, – ответил он сухо.

«И почему я знала, что он это скажет?» – подумала девушка, ехидно скривив губы, и продолжила изучать глазами горизонт, на котором вдруг начали расти острые тёмные пики.

– Что это? – встрепелась она. За полосой деревьев поднимались не то шпили башен, не то причудливая кромка скалистого хребта. Ответа не последовало, и Ева поняла, что это и есть ТО место, к которому они так долго шли. Она нетерпеливо ускорила шаг, хотелось как можно скорее посмотреть, что же за «мир» поджидает её там, за узкой лесополосой, но в то же время сердце тревожно сжималось. Вдруг! Вдруг, этот мир окажется не так приветлив, или будет лишь ещё одним схожим отражением картинок с книжных страниц, не имеющих жизни?..

Напряжение росло по мере того, как над деревьями высились тонкие пики, расширяясь, они плавно переходили в округлые изгибы куполовидных и чёткие линии пирамидальных крыш. Из-под крыш выглядывали разнофактурные стены. Постепенно всё это стало походить на груды разрезанных и неправильно склеенных картинок. Несуразное сочетание архитектурных решений резало глаз и надежда попасть в тот потрясающий мир, который чаяла увидеть Ева, быстро угасала.

Путники прошли сквозь узкую лесополосу и, наконец, за деревьями показалась городская стена. Точнее не стена даже, а скорее арочный комплекс – напротив черты деревьев высились грандиозные каменные колонны, густо увитые плющом, высоко над головами они смыкались полукруглым сводом, и зелёные лозы, добравшиеся туда, красиво спадали застывшими водопадами. Столпы тянулись направо и налево непрерывной исполинской цепью, замыкаясь где-то в громадное кольцо.

Это монументальное зрелище заворожило Еву, заставив замереть с открытым ртом и трепетно сжатыми у груди кулаками. Картина нелепо скомканного городского пейзажа тут же испарилась из памяти – такой пышный вход, казалось, просто не может вести в столь абсурдную обитель.

Волнительное оцепенение не продлилось долго – взор, скользивший по изящным линиям величественного сооружения, притянули две человеческие фигуры, стоявшие внутри одной из арок, возвышавшейся прямо напротив путников. Девушка испытующе прищурилась, будто не веря собственным глазам, и обернулась к своему спутнику, который остановился поодаль. Во взгляде её читалось удивление и что-то вроде вопроса. Так смотрит маленький ребёнок в лицо родителей, ожидая разрешения дотронуться до новой долгожданной игрушки, не зная ещё, принадлежит она ему или нет. Мужчина на секунду взглянул ей в глаза, затем спокойно продолжил путь к городским «воротам», не проронив ни слова. Ева с замиранием сердца двинулась за ним, стараясь привести мечущиеся чувства в порядок. Сколько вопросов и мыслей пронеслось в её голове, пока они преодолели пятнадцать-двадцать шагов и поравнялись с привратниками. В этот миг головы двух мужчин почти синхронно повернулись, будто они взглядом преграждали путникам дорогу, а трепещущее сердце беглянки, кажется, вздрогнуло и остановилось. «Они живые», – промелькнула радостная и в то же время напуганная мысль в голове девушки: «Наконец-то!».

5. Город

– Я Тимор, – сухо представился мужчина одному из стражников, тот оценивающим взглядом окинул пришельца.

В те несколько секунд, пока Ева и её спутник стояли под сводами величественной арки, девушка, не упуская такого шанса, жадно рассматривала стражей – частички жизни в рисовано-красивом, но бездыханном мире. Рослые крепкие мужчины были похожи как близнецы: кучерявые рыжеватые волосы, выбиваясь из-под позолоченных краев упрощенных и скорее декоративных подобий шпангельхельмов¹, обрамляли широкие загорелые лица с крупными голубыми глазами, прикрытые аккуратно подстриженными бородами. Изогнутые металлические пластины, окаймленные золотом, поблескивали на плечах, локтях и коленях привратников. Эти железки не были доспехами, скорее, лишь напоминанием о том, что люди, стоящие в арке, охраняют вход, а не просто вышли прогуляться. Под «латами» красовались чистотой молочно-белые ливреи с красной окантовкой, через правые плечи мужчин перекидывались алые тканые ленты с золотыми позументами в области груди. В центре замысловато витого узора поблескивало в небольшом круглом обрамлении какое-то гербовое изображение, но разглядеть его не было возможности – слишком далеко.

«Живые!» – крутилась в голове девушки не то восторженная, не то просто любознательная мысль: «Наконец-то живые люди! Стоп!» – она вдруг задержала мысль, оборвав на секунду поток взволнованных чувств: «Он снова назвал своё имя! Да, точно! Теперь я не забуду. Тимор!» – она победно выкрикнула имя в своём сознании, и в эту секунду мужчина слегка повернул голову в сторону спутницы, так чтобы можно было увидеть её только краем глаза. Ева заметила этот подозрительный косой взгляд, заставивший вновь замереть в коротком испуге: «Он точно мысли читает!». Тимор помедлил ещё секунду и снова повернулся к стражу, который перевёл изучающий взор на девушку. Это отвлекло её от дальнейших размышлений, заставило забыть о страхе, уступившем место трепетному ожиданию того, что же будет дальше. Голубые глаза бесстрастно пробежались по стройной фигуре, облаченной в какую-то, явно не вписывающуюся в окружающий пейзаж, одежду (действительно, девушка сейчас смотрелась, как современная туристка на развалинах Колизея) и впились взглядом в юное лицо. Черты лица рыжебородого мужчины приобрели удивленный оттенок, и взор метнулся обратно к глазам Тимора, те оставались по-прежнему спокойными. Стражник коротко вдохнул и вновь стёр со своего лица все эмоции, отвернувшись и уставившись, как статуя, в одну точку, где-то на кромке окружающего леса. Немой диалог закончился, и сероволосый продолжил путь, а за ним, чуть задержавшись для последнего беглого осмотра монументальной арки и её хранителей, лёгкими шагами поспешила и Ева.

Девушка смотрела себе под ноги, немного страшась поднимать глаза, чтобы вдруг не разочароваться в городе с первого взгляда. Внизу мелькали небольшие желтоватые камешки, которыми была вымощена дорога, начиная от внешнего края колонн. Они укладывались тонкими спиралями, образовывавшими большие, перекрывающие друг друга круги. Кое-где из редких щелей между камнями выбивались ростки свежей зелени. Ева прикрыла глаза, напряженно вздохнула и наконец подняла голову, чтобы оглядеться. Взгляд тут же потерялся в открывшемся пейзаже, она не знала, куда смотреть, и всё, что оставалось – снова остановиться и окинуть всё неторопливым восторженным взором. Перед ней открывалась городская улица, с двух сторон её высились двух и трёхэтажные дома с песочно-жёлтыми фасадами, украшенными тонкими буро-оранжевыми барельефами вокруг больших округлых окон. Малахитовый плющ и тут витиеватым узором покрывал части стен, наполняя

¹ Шпангельхельм – раннесредневековый сегментный шлем.

даже на красную черепицу покатых крыш, поблескивал глянцевыми листьями в ярких лучах полуденного солнца. Вдоль домов тянулись аккуратные тротуарчики, под светлыми ткаными навесами кое-где ютились небольшие деревянные прилавки с красиво разложенными фруктами, овощами и ароматными булками. Вся картина была такой спокойной, гармоничной и умиротворяющей, что снова всколыхнула подозрение, не очередная ли это цветная иллюстрация. И тут одна, две, три, пять, семь... Человеческие фигуры привлекли внимание Евы. Её взгляд начал метаться между ними – люди в простых старомодных одеждах неспешно ходили по тротуарам, что-то покупали, выглядывали из окон, просто стояли, о чём-то разговаривая друг с другом. Улица жила тихой размеренной жизнью в жарких потоках солнечного света.

Путники продолжали своё молчаливое шествие вдоль малолюдной улицы, шли они прямо посередине дороги, которая, судя по всему, являлась проезжей частью. Но вокруг не было видно никакого транспорта, и девушка не задумывалась над этим, в изумленном предвкушении разглядывая жителей города, которые изредка бросали отрешенные взгляды на двух необычных прохожих, но в целом не проявляли к ним никакого интереса.

– Город казался таким разрозненным из-за леса, – негромко произнесла Ева, мечтательно глядя по сторонам, – а здесь красиво.

Тимор ничего не ответил, но траектория его движения начала быстро меняться и вскоре пересеклась с прилавком, покрытым яркими пятнами всевозможных фруктов. Девушка догнала спутника, подошла к нему сзади на расстояние почти в один шаг и тихонько, почему-то нерешительно выглянула из-за его плеча, разглядывая продавца. Невысокий чуть полноватый мужчина в бежевой тунике и того же цвета куфие², прикрывающей голову, с чёрной щетиной на добродушном лице, оторвался от каких-то дел под прилавком и с приветливой улыбкой поднял тёмные вопрошающие глаза на покупателей.

– Два зеленых, – послышался голос Тимора и его палец небрежно указал на сложенные разноцветными горками яблоки. Ева глазами проследила за рукой мужчины и, когда взгляд упал на поблёскивающие глянцем фрукты, в животе предательски громко заурчало. Она тут же покраснела и снова спряталась за спину спутника, стало так стыдно, что хотелось уткнуться лицом в его серую куртку и зажмуриться, но подходить ближе она не решилась, напротив, сделала два шага назад, обхватила руками урчащий живот и замерла, опустив голову.

– Держи, – приятный, но как всегда холодный голос вывел её из кратковременного транса. Ева подняла взгляд на небольшой бумажный пакет, протянутый ей мужчиной, нерешительно приняла шуршащий свёрток и снова смущенно опустила глаза. Тимор, как ни в чём не бывало, двинулся дальше по краю мощеной дороги. Ева быстро взглянула на продавца, густо покраснела, чуть склонила голову в знак благодарности, и засеменила за своим спутником. Чуть погодя, когда фруктовая лавочка осталась позади, а смущение немного отступило, она открыла пакет и заглянула внутрь, там лежало два больших зелёных яблока и пригоршня жирненьких вяленых фиников.

– Откуда ты знаешь, что мне нравятся финики? – со смущенной улыбкой спросила она идущего впереди мужчину. – И что зелёные яблоки мои любимые?

– Я угадал, – небрежно бросил он, – если голодна, не болтай – ешь.

Девушка обиженно скривила губы, но тут же остыла, снова заглянув в пакет, затем тихонько вздохнула, будто набираясь смелости:

– А ты не хочешь? – неуверенно поинтересовалась она.

² Куфия – мужской головной платок, популярный в арабских странах.

– Нет, – ответ был всё таким же сухим, на что Ева легкомысленно хмыкнула, мол: «Не хочешь, ну и не надо», – и достала из пакета аппетитный салатный фрукт.

Яблоки оказались такими сочными и вкусными, что их девушка умяла моментально. Немного подумав, она решила, что финики надо есть помедленнее, так сказать, растянуть удовольствие, тем более, что голод уже отступил и можно было предаваться созерцанию окружающего мира, наслаждаясь сладким, слегка приторным привкусом сухофруктов. К своему удивлению в этот миг Ева заметила, что городской пейзаж, неизвестно как, успел смениться, пока она самозабвенно вкушала яблоки. Перед путниками открылась большая брусчатая площадь в серо-коричневых тонах. Крупные, отполированные до блеска чьими-то ногами, булыжники, выставившие вверх свои округлые спины, неприятно ощущались через подошвы обуви. Вертикально вытянутые узкие дома в два-три этажа, скупое украшенные каменными изваяниями причудливых животных и тонкой угловатой резьбой на бордюрах серых стен, смыкались кольцом вокруг площади, а прямо в её центре возвышалось впечатляющей высоты строение, выполненное в утрированно готическом стиле. Если бы небо сейчас заволкли тучи, и грянул гром, то можно было бы решить, что это исполинских размеров склеп, от которого так и веет мрачной сыростью. Но солнце, как и раньше, заливало всё вокруг радостными лучами, и здание с высоким тонким шпилем походило скорее на творение рук романтично-задумчивого архитектора.

Тимор остановился в тридцати шагах перед причудливо-гротескной постройкой, Ева, поравнявшись с ним, с подозрением вопросительно заглянула в тёмные глаза. Мужчина, едва заметно прищурился, продолжая смотреть прямо перед собой, ей показалось, что в его взгляде мелькнул оттенок гнева. И в голосе глухо заурчало негодование.

– Мы пришли.

6. Темнота

Когда долго ждёшь чего-то очень желанного, когда во всех красках представляешь ожидаемое, полагаешь на него надежды и вверяешь мечты, забывая обо всём и обо всех окружающих, а потом видишь, что цель твоего пути, твоего упования – серая безжизненная картинка, не вызывающая ровным счётом никаких трепетных эмоций... Сложно описать, что чувствуешь тогда. Ведь весь путь поэтапно добавлял всё новых радостей в предвкушение, как лестница, ведущая из темноты к свету. Первая ступенька едва различима во мраке, но чем выше, тем больше линий и цветов ты можешь разглядеть, тем больше света. И вот уже, кажется, последняя ступень, поднимаешься на неё и проваливаешься неожиданно во тьму начальной точки своего пути. Так Ева сейчас провалилась в серость окружающего пространства, и ей казалось даже, что действительно над площадью быстро собираются тяжёлые тучи – таким удручающе неожиданным ей виделся конец пути. Всё волнение и радость разом были стёрты из сердца, и над ним повисла противная бесчувственная тишина, это не было похоже на огорчение, скорее на разочарование с примесью едкой обиды и острым ощущением разбитой мечты. Девушка воззрилась на спутника с нескрываемым стоном последней надежды в молящих зелёных глазах, но мужчина – такой холодный и равнодушный, такой серый... он идеально вписывался в бесцветную картину окружающего пейзажа, и его безразличное лицо не давало ни капли надежды. Он будто провёл свою спутницу сквозь живой мир, чтобы ввести в это мёртвое пространство, породившее, наверное, его самого.

– И это мой мир? – тихо спросила Ева, со страхом и разочарованием обводя взглядом бесцветную площадь. Тимор как будто вовсе не замечал смены её настроений, не обращал на это никакого внимания и не испытывал даже малейшей крупицы сочувствия к бедной затворнице, которая тонула в бурях новых мечущихся чувств, обрушенных на её хрупкие плечи неизвестным до этого миром. Без лишних слов он двинулся вперёд, ко входу в странную башню. Поднявшись по широким каменным ступеням, мужчина приоткрыл тяжёлую, окованную потемневшей сталью дверь, и, обернувшись, взглядом пригласил Еву, остававшуюся всё это время неподвижной, идти за ним внутрь:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.